

УДК 343.13

DOI: 10.17223/23088451/17/8

В.А. Дударев

**ПАНДЕМИЯ COVID-19 КАК КАТАЛИЗАТОР ЦИФРОВИЗАЦИИ
РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Обсуждаются вопросы, касающиеся цифровизации российского уголовного судопроизводства в условиях пандемии COVID-19. Рассматриваются такие технологии, как видео-конференц-связь, веб-конференция, вопросы электронного документооборота. Высказывается предположение о том, что пандемия COVID-19 стала определенным катализатором, способствующим цифровизации российского уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: *цифровизация, пандемия COVID-19, уголовное судопроизводство, видео-конференц-связь, веб-конференция, электронный документооборот, цифровые информационные технологии*

В современном мире постоянно случаются различные катаклизмы природного, техногенного характера, войны, различные вооруженные конфликты и столкновения. 11 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения объявила пандемию новой коронавирусной инфекции.

За короткий период времени пандемия COVID-19 охватила все мировое сообщество. На сегодняшний день в мире уже насчитывается более 140 млн заболевших, в России эта отметка перевалила за 4,5 млн человек. В свою очередь пандемия внесла определенные коррективы в регулирование общественных отношений, в том числе и уголовное судопроизводство.

В XXI в. получили стремительное развитие цифровые технологии, которые внедряются во все сферы общества. Нельзя сказать, что пандемия COVID-19 стала решающим фактором в цифровизации общества, однако она выступила определенным катализатором готовности как правоохранительных органов, так и судебной системы к переходу на новый уровень взаимодействия и принятия определенных решений. Уголовное судопроизводство здесь не является исключением.

Внедрение цифровых технологий во все сферы жизни общества в условиях стремительного распространения новой коронавирусной инфекции не могло не затронуть деятельности, связанной с осуществлением правосудия. Как правило, правосудие основывается на демократических принципах судопроизводства и предусматривает возможность личного участия в нем всех заинтересованных лиц, однако из-за случившейся пандемии сделать это стало довольно проблематично.

Как справедливо отметила В.А. Лазарева, «во-первых, в судебной деятельности по уголовному делу есть достаточное количество процедур, которые не требуют обязательного личного участия сторон, а во-вторых, принятие решения не обусловлено необходимостью соблюдения требования непосредственности. Невозможность личного участия в судебной деятельности в тех случаях, когда это требуется, обеспечивается внедрением в судебную практику, в том числе по уголовным делам, систем видео-конференц-связи» [1. С. 85].

Начало этому было положено еще в далеком 2000 г., когда Верховный Суд РФ установил дистанци-

онное взаимодействие с рядом учреждений, в которых содержались или в которые специально доставлялись осужденные, обжаловавшие приговоры, не вступившие в законную силу. Осужденные лица, содержащиеся под стражей могут как непосредственно участвовать в судебном заседании, так и с использованием систем видео-конференц-связи, которая была узаконена в 2010 г. с введением апелляции как формы пересмотра приговора и иного судебного решения, не вступившего в законную силу. Сегодня Верховный Суд имеет видеоконференц-взаимодействие более чем с 8 тыс. абонентов, включая федеральные суды всех уровней, следственные изоляторы, тюрьмы.

В 2011 г. в УПК РФ [2] была введена ст. 278.1, которая предусмотрела возможность проведения допроса свидетеля и потерпевшего с использованием системы видеоконференц-связи, фактически заменив собой институт отдельного поручения. Плюс видео-конференц-связи – экономия времени и средств с сохранением всех процессуальных гарантий, хотя сама по себе она представляет нечто новое для развития уголовного судопроизводства.

Однако пандемия COVID-19 способствовала ускоренному обращению судебной практики к новым массовым доступным технологиям, например к возможности проведения судебных заседаний посредством веб-конференции. 29 апреля 2020 г. Президиум Верховного Суда РФ принял уже всем известное постановление [3], которым внес изменения в ранее принятое постановление № 821 [4], а также рекомендовал судам использовать апробированный ими опыт проведения судебных заседаний с помощью веб-конференции для рассмотрения дел, не терпящих отлагательства и в первую очередь направленных на защиту конституционного права на свободу передвижения граждан, личную неприкосновенность, здоровье и безопасность.

Для участия в судебном заседании с применением веб-конференции заявление участниками судопроизводства подается в электронном виде. Также обязательно прилагаются и электронные образцы документов, с помощью которых удостоверяются личности и подтверждаются их полномочия.

Как справедливо заметила В.А. Лазарева, «необходимо знать различия в судебных процедурах примене-

ния технологии веб-конференции от процедуры видеоконференции. Оно состоит в отсутствии официального элемента в месте нахождения одного или нескольких участников процессуальной деятельности. Это обстоятельство, с одной стороны, упрощает процесс ее использования, а с другой – определенным образом затрудняет идентификацию личности и контроль за свободой выражения ее позиции. Поэтому представляется очевидным, что использование технологии веб-конференции в первую очередь может быть востребовано в тех ситуациях, когда эти затруднения исключены или могут быть каким-то образом компенсированы. Веб-конференция представляется безопасной формой взаимодействия органов предварительного расследования, прокуратуры и суда» [1. С. 86].

Приведем пример: уже 19 мая 2020 г. состоялось историческое событие – заседание Пленума Верховного Суда РФ прошло в онлайн-формате посредством веб-конференции. В зале суда присутствовали только Председатель Верховного Суда РФ и секретарь Пленума, остальные участники заседания подключились дистанционно. Всего на Пленум зарегистрировались 89 судей Верховного Суда РФ, а также 16 участников из них: представители Генпрокуратуры, Минюста, Совета Федерации и Госдумы, члены научного сообщества. Как отмечается на официальном сайте Верховного Суда РФ, такая практика приобрела положительную тенденцию в период пандемии, активно развиваются электронные технологии, позволяющие оперативно и безопасно проводить неотложные заседания [5].

Как отметила Г.М. Шаповалова, «в наибольшей степени электронный документооборот сегодня проник в арбитражное судопроизводство, однако исследователи отмечают, что электронные документы все активнее вытесняют привычные, изготовленные на бумаге, и в уголовном процессе» [6. С. 200]. По мнению ученых, «фактически развитие уголовного процесса уже стоит перед альтернативой перехода к параллельному ведению двойного документооборота или полной замене письменных материалов уголовного дела электронными документами» [7. С. 6; 8. С. 98].

На протяжении последнего времени в уголовном судопроизводстве применяется не только система видео-конференц-связи, но и внедряются технологии по использованию автоматизированной информационной системы при формировании состава суда для рассмотрения каждого уголовного дела (ст. 30 УПК РФ), подача заявлений, жалоб, представлений в форме электронного документа, создаваемого посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в ИТС «Интернет», и подписанного электронной подписью (ч. 1 ст. 474.1 УПК РФ), оповещение участников процесса посредством СМС-извещения или через электронную почту [9] (ч. 5.1 ст. 42, ч. 5 ст. 313 УПК РФ), аудио- и видеофиксация хода судебного разбирательства (ч. 1 и 5 ст. 259 УПК РФ) и др.

Судебная практика свидетельствует о том, что суды постепенно адаптируются к сложившимся обстоятельствам и широко применяют современные цифровые технологии для решения задач правосудия. Так, в мар-

те 2020 г. Невьянский городской суд Свердловской области впервые в истории российского правосудия рассмотрел дело с помощью видеозвонка в мессенджере WhatsApp [10], а Вахитовский районный суд Казани вынес решение по видеосвязи с помощью Skype [11]. Приведенные примеры кажутся просто парадоксальными, прецедентными, еще 5–10 лет назад такое нельзя было и представить, а сегодня это уже реальность.

Однако обратим внимание на один момент. Применение таких технологий, безусловно, является определенным прорывом в рамках пандемии COVID-19, но полностью перейти на подобного рода работу судов пока не представляется возможным, особенно если речь идет об уголовном судопроизводстве. Причин этому несколько: во-первых, это незащищенность сети, по которой передается информация, а во-вторых, непроработанность вопроса взаимодействия всех лиц, которые участвуют в уголовном процессе.

Общезвестно, да и понятно, наверное, каждому пользователю сети Интернет, что соединение между сетью и абонентским устройством не всегда качественное. С трудом представляется допрос подозреваемого с помощью таких мессенджеров, как Viber или WhatsApp. Однако все это не умоляет того, что все эти проблемы в будущем решаемы.

Как справедливо отметили Н.В. Спесивов и А.А. Титов, «“дистанционное электронное правосудие” должно быть построено таким образом, чтобы не нарушать прав участников уголовного судопроизводства в том числе на квалифицированную юридическую помощь. В контексте действующего уголовно-процессуального законодательства “дистанционное” участие защитника или подсудимого можно рассматривать как нарушение принципа непосредственности уголовного судопроизводства» [12. С. 198]. Однако такое отступление от основного начала при данных обстоятельствах является одним из немногих реальных вариантов обеспечения транспарентности судебного заседания, обеспечивая безопасность всех участников уголовного судопроизводства, и с этим трудно не согласиться.

23.06.2016 г. в УПК РФ была введена ст. 474.1, согласно которой ходатайство, заявление, жалоба, представление могут быть поданы в суд в форме электронного документа, подписанного лицом, направившим такой документ, электронной подписью в соответствии с законодательством Российской Федерации, посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Материалы, приложенные к ходатайству, заявлению, жалобе, представлению, также подаются в форме электронных документов. Электронные документы, изготовленные иными лицами, органами, организациями в свободной форме или форме, установленной для этих документов законодательством Российской Федерации, должны быть подписаны ими электронной подписью в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации. Данная норма создает определенные перспективы для широкого использования электронных документов и в качестве доказательств, несмотря на то, что этот вопрос в рос-

сийском уголовно-процессуальном законе еще четко не прописан и не отрегулирован.

Что касается предварительного расследования дел, здесь также имеются определенные перспективы и прогресс. Согласно УПК РФ некоторые следственные действия (освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования) не требуют присутствия понятых, они заменены техническими средствами фиксации. Совершенствование технических средств фиксации в стремительном развитии современного общества естественно ведет к их еще большему применению и внедрению в процесс расследования. Так, например, видеофиксация сегодня более надежна и достоверна, она исключает субъективизм следователя в отборе информации, а также в какой-то мере дисциплинирует его, что не позволяет допускать промахи и совершать ошибки – словом, способствует повышению качества расследования.

Сегодня широкое применение цифровых технологий в уголовном судопроизводстве обусловлено объективными факторами. Задачи расследования охватывают не только фиксацию и сохранение, но и проверку любых следов преступления, которые используются в доказывании обстоятельств и имеют значение для дела.

Научные разработки, которые существуют в настоящее время, позволяют говорить о том, что в будущем возможен быстрый переход на электронный документооборот, который поспособствует необходимому взаимодействию: между судом и судебными инстанциями; органами предварительного расследования и прокуратуры; судом и участниками уголовного судопроизводства. Очевидно, что этот процесс будет развиваться в разных направлениях, но в конечном итоге завершится полным переходом от бумажного к электронному уголовному делу.

Так, например, в США электронный документооборот применяется довольно широко, в Федеративной Республике Германия создается электронное досье с оцифрованными материалами уголовных дел, в Казахстане ведется электронный реестр уголовных дел и происходит оцифровка этих материалов. Для такой модели цифровизации уголовного судопроизводства, как в Казахстане, где уже активно практикуют ведение электронных уголовных дел, России потребуется определенное время: и, конечно, денежный вопрос будет ставиться во главу угла. Не будем забывать и о территориальных границах этих стран: 17 млн км² – Россия, 2,7 млн км² – Казахстан. Вывод очевиден.

Согласимся с А.С. Александровым в том, что «цифровизация уголовного судопроизводства должна способствовать повышению доступности и упорядочению производства по делу, а не препятствовать доступности и реализации права на справедливое судебное разбирательство» [13. С. 199–200].

Как отметили Н.С. Манова и М.А. Баранова, «открытость информации о деятельности органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, необходима для объективной оценки результатов такой деятельности, формирования доверия к ней у широких слоев населения» [14. С. 579].

Мы полностью поддерживаем И.И. Шереметьева, который отмечает, что «естественные трудности, связанные с процессами цифровизации, не должны стать поводом для “топтанья на месте”, поскольку это может привести к тому, что растущее количество уголовных дел и материалов по судебному контролю пойдет вопреки повышению качества правосудия. Уже сейчас необходимо осуществлять поэтапное внедрение цифровых технологий там, где это возможно, поскольку, как мы видим из сложившейся с пандемией ситуации, грамотное и своевременное их использование не только станет серьезным подспорьем судам в случае возникновения подобных “непредвиденных” обстоятельств, но и будет способствовать повышению доступности и эффективности уголовного судопроизводства» [15. С. 120].

Таким образом, все слои и структуры общества ощутили на себе последствия пандемии COVID-19. Пандемия поставила на повестку дня вопросы о создании таких возможностей, благодаря которым привычные нам условия проведения производства по уголовным делам невозможны и нужно что-то другое.

На сегодняшний день эпидемиологическая обстановка в России так или иначе нормализуется, наша страна располагает уже тремя разными вакцинами, которыми активно прививают население страны, однако привычный распорядок работы правоохранительных и судебных органов уже не будет прежним. Ношение защитных масок и соблюдение социальной дистанции – явное тому подтверждение. Внезапная пандемия в определенной мере форсировала процесс цифровизации уголовного судопроизводства, став своеобразной «точкой невозврата» и определенным катализатором изменений.

Ограничительные меры в условиях пандемии COVID-19, которые сейчас действуют, нередко исключают возможность непосредственного участия лица в уголовном судопроизводстве. Поэтому одной из первоочередных задач будет внедрение в российский уголовный процесс цифровых, информационных технологий, переход на электронный формат, поскольку такой электронно-дистанционный режим позволит существенно сократить все риски для жизни и здоровья граждан, а также минимизировать определенные ограничения прав участников уголовного судопроизводства.

Для разработки отдельных цифровых технологий можно обратиться к опыту зарубежных стран (Германия, Казахстан), где вопросам цифровизации уделяется большое внимание и которые их уже активно применяют.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лазарева В.А. Уголовный процесс в условиях пандемии и потом // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 3. С. 84–90.
2. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: УПК: текст с изменениями и дополнениями на 08 декабря 2020 года: [принят Государственной думой 22 ноября 2001 года: одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года]. М. : Омега-Л, 2020. 284 с. (Кодексы Российской Федерации). ISBN 978-5-370-04731-2.

3. *Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 29.04.2020 № 822 «О внесении изменений в постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ № 821 от 8 апреля 2020»* // СПС «КонсультантПлюс».
4. *Постановление Президиума Верховного Суда РФ Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 № 821 «О приостановлении личного приема граждан в судах»* // СПС «Консультант Плюс».
5. *Официальный сайт Верховного суда РФ*. URL: http://www.supcourt.ru/press_center/news/28930/ (дата обращения: 22.04.2021).
6. Шаповалова Г.М. Электронные документы в уголовном процессе и криминалистике // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12 (62) : в 4 ч. Ч. IV. С. 199–202.
7. Пастухов П.С. К вопросу о создании процедуры использования электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2015. № 2. С. 5–8.
8. Качалова О.В., Цветков Ю.А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95–101.
9. *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 3 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации»* // Бюллетень Верховного Суда. 2012. № 4.
10. *Невьянский городской суд Свердловской области*. URL: <https://neviansky.svd.sudrf.ru/> (дата обращения: 22.04.2021).
11. *Вахитовский районный суд Г. Казани*. URL: <https://vahitovskiy.sudrf.ru/> (дата обращения: 22.04.2021).
12. Снесивов Н.В., Титов А.А. Пандемия COVID-19 как фактор «вынужденной цифровизации» российского уголовного судопроизводства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 3 (134). С. 193–200.
13. Александров А.С., Андреева О.И., Зайцев О.А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 199–207.
14. Манова Н.С., Баранова М.А. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 564–593.
15. Шереметьев И.И. Использование цифровых технологий при рассмотрении уголовных дел в суде: реальность и перспективы // Lex Russica. 2019. № 5 (150). С. 117–131.

Статья принята к публикации 24.05.2021.

COVID-19 Pandemic as a Catalyst for Digitalization of Russian Criminal Justice

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 17, pp. 39–43. DOI: 10.17223/23088451/17/8

Vitaly A. Dudarev, Bryansk State University (Bryansk, Russian Federation). E-mail: dudarev-vitalii@mail.ru

Keywords: digitalization, COVID-19 pandemic, criminal justice, video conferencing, web conferencing, electronic document management, digital information technology

The article discusses the digitalization of Russian criminal justice in the context of the COVID-19 pandemic, which became a serious global cataclysm in 2020. The COVID-19 pandemic has promoted the turn of the court practice to other massively available technologies, in particular to court hearings through a web conference. In the midst of the pandemic, Russia has experienced unprecedented cases of court hearings through such messengers as WhatsApp and Skype. Before the pandemic, Russian criminal justice was already using digital technologies, but it had to expand such practices during self-isolation and quarantine. The sudden pandemic has accelerated digitalization of criminal justice, becoming a kind of “point of no return” and a certain catalyst for change.

References

1. Lazareva, V.A. (2020) Criminal process in a pandemic and then. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta – Juridical Journal of Samara University*. 6(3). pp. 84–90. (In Russian). DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-3-84-90
2. Russian Federation. (2001) *Zakony. Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: UPK: tekst s izmeneniyami i dopolnениями na 08 dekabrya 2020 goda: [prinyat Gosudarstvennoy dumoy 22 noyabrya 2001 goda: odobren Sovetom Federatsii 5 dekabrya iyunya 2001 goda]* [Laws. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: CPC: text as amended on December 08, 2020: [adopted by the State Duma on November 22, 2001: approved by the Federation Council on December 5, 2001]]. Moscow: Omega-L.
3. Russian Federation. (2020) *Postanovlenie Prezidiума Verkhovnogo Suda RF, Prezidiума Soveta sudey RF ot 29.04.2020 № 822 “O vnesenii izmeneniy v postanovlenie Prezidiума Verkhovnogo Suda RF, Prezidiума Soveta sudey RF № 821 ot 8 aprelya 2020”* [Resolution No. 822 of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation, the Presidium of the Council of Judges of the Russian Federation dated April 29, 2020, “On amendments to Resolution No. 821 of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation, the Presidium of the Council of Judges of the Russian Federation dated April 8, 2020]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351604/.
4. The Supreme Court of the Russian Federation. (2020) *Postanovlenie Prezidiума Verkhovnogo Suda RF Prezidiума Soveta sudey RF ot 08.04. 2020 № 821 “O priostanovlenii lichnogo priema grazhdan v sudakh”* [Resolution № 821 of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of the Presidium of the Council of Judges of the Russian Federation dated April 8, 2020, “On the suspension of personal reception of citizens in the courts”]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349751/.
5. *The Supreme Court of the Russian Federation*. Official website. [Online] Available from: http://www.supcourt.ru/press_center/news/28930/ (Accessed: 22nd April 2021).
6. Shapovalova, G.M. (2015) Electronic documents in criminal trial and criminalistics. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 12(62). pp. 199–202. (In Russian).
7. Pastukhov, P.S. (2015) On creating a procedure for use of “electronic evidence” in criminal judicial proceeding. *Mezhdunarodnoye ugovnoye pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya – International Criminal Law And International Justice*. 2. pp. 5–8. (In Russian).

8. Kachalova, O.V. & Tsvetkov, Yu.A. (2015) Electronic criminal case as a tool for development of criminal proceedings. *Rossiyskoe pravosudie*. 2. pp. 95–101. (In Russian).
9. The Supreme Court of the Russian Federation. (2012) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 9 fevralya 2012 g. № 3 “O vnesenii izmeneniy v nekotorye postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii” [Resolution No. 3 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 9, 2012, “On amendments to some decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation”]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda*. 4.
10. *Neviansky City Court of the Sverdlovsk Region*. (n.d.) [Online] Available from: <https://neviansky.svd.sudrf.ru/> (Accessed: 22nd April 2021).
11. *Vakhitovsky District Court of Kazan*. (n.d.) [Online] Available from: <https://vakhitovskiyat.sudrf.ru/> (Accessed: 22nd April 2021).
12. Spesivov, N.V. & Titov, A.A. (2020) COVID-19 pandemic as a factor in forced digitalization of Russian criminal proceedings. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 3(134). pp. 193–200. (In Russian).
13. Aleksandrov, A.S., Andreeva, O.I. & Zaytsev, O.A. (2019) On Development Prospects of the Russian Criminal Proceeding in the Context of Digitalization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 448. pp. 199–207. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/448/25
14. Manova, N.S. & Baranova, M.A. (2019) Principles of criminal proceedings as implementation of moral foundations of criminal procedural activities. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 45. pp. 564–593. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255
15. Sheremetiev, I.I. (2019) Using Digital Technologies in Criminal Cases in Court: Reality and Prospects. *Lex Russica*. 5(150). pp. 117–131. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2019.150.5.117-131

Received: 24 May 2021.